

ЩИТ И МЕЧ ОТЧИЗНЫ
РАСКРЕЧЕННЫЕ
ДЕЛА ГРУ

**СЕРГЕЙ ДАВИДЕНКО
ОЛЕГ РОЙ**

АДГНА

**ОДНА В СЕРДЦЕ
РЕЙХА ПРОТИВ
МАШИНЫ
СМЕРТИ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д13

Издательство выражает благодарность
Федеральному государственному бюджетному
учреждению культуры «Центральный музей Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг.» за предоставленные
документальные материалы, а также директору
проекта Ирине Владимировне Сабеевой.

Давиденко, Сергей.
Д13 Альта / Сергей Давиденко, Олег Рой. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с. — (Щит и меч Отчизны. Рас-
секреченные дела ГРУ).

ISBN 978-5-04-231258-8

БЕРЛИН, 1942.

Город под чёрным небом войны. Здесь каждый шёпот мо-
жет стоить жизни, каждая встреча — последняя, каждое слово
записывают в досье.

Ильзе Штёбе — журналистка с безупречной репутацией,
частый гость в салонах дипломатов и чиновников Рейха. Ру-
дольф фон Шелия — аристократ из старинного рода, чело-
век с доступом к самым секретным планам Гитлера. Между
ними — деньги, встречи в тени, записки на клочках бумаги,
спрятанные среди монет.

На самом деле за этими встречами скрывается шпионаж.
Тот, что может изменить ход войны. Тот, за который платят
жизнью.

Ильзе — советская разведчица под псевдонимом «Альта»,
резидент легендарной сети «Красная капелла». Фон Шелия —
её главный источник, не подозревающий, на кого работает.
Карл Хельфрих — журналист, жених Ильзе, человек, ради ко-
торого она была готова на все. Но день их помолвки превра-
щается в начало конца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Авторы: Рой О., Давиденко С., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-231258-8

...Нравственность разведчика состоит в том, чтобы обеспечить безопасность страны и не нанести вреда ценному агенту...

Лев Баусин,
ветеран советской внешней разведки

10 сентября 1942 года. Берлин

ВСТРЕЧА С АГЕНТОМ

Смеркалось. Этому способствовало не только вязкое покрывало осеннего вечера, стремительно накрывающее город, но и затемненные окна домов — сквозь маскировочные шторы наружу не просачивался ни один лучик света. И хотя в этом году налеты на Берлин были редкими, указания властей соблюдать меры предосторожности соблюдались неукоснительно.

Набухшие влагой тучи быстро заволокли небо, превращая его в безбрежный океан, серый и унылый. Несмотря на то что осень едва началась, почти всю неделю стояла ненастная погода. Промозглый ветер гонял по стылому асфальту пожелтевшие листья, заставляя людей убыстрять шаг и плотнее кутаться в пальто.

Поправив шляпку, высокая женщина лет тридцати озабоченно посмотрела на пасмурное небо, словно опасаясь внезапного дождя. Густые каштановые волосы

обрамляли ее спокойное лицо, серые глаза излучали уверенность.

Выйдя на перекресток, она пропустила военный автобус и перешла на другую улицу. Внимание незнакомки было сосредоточено на книжном киоске, расположенном на углу рядом с бакалейной лавкой. Судя по всему, он уже закрывался, и женщина прибавила шаг. Спустя минуту она стояла возле крохотной будки, витрины которой были сплошь заставлены книгами и журналами.

— Добрый вечер¹, — улыбаясь, поздоровалась женщина с продавцом.

Это был плотный мужчина лет пятидесяти с редкими седеющими волосами. Его глубоко запавшие глаза равнодушно скользнули по запоздавшей клиентке.

— Мы уже закрываемся, — не слишком приветливо отозвался он и почесал массивный подбородок. — Что вы хотели?

— «Фраун Варте»². Свежий номер есть?

¹ Здесь и далее — разговор на немецком (*прим. автора*).

² «Национал-социалистический женский журнал» — нацистский журнал для женщин, издававшийся в Германии. Впервые опубликован в 1934 году, выходил раз в две недели. Имел статус единственного одобренного партией НСДАП журнала для женщин. Служил пропагандистским целям, в частности поддерживал образцовую роль домохозяйки и матери. В журнале публиковали статьи на такие темы, как роль женщин в нацистском государстве, образование молодежи, важность игр для детей. Прекратил свое издание в 1945 году.

Продавец кивнул и полез за прилавок. Пока он доставал журнал, женщина сунула руку в поношенную сумочку-ракушку, доставая мелочь.

— Погода сегодня дрянь, — заметил мужчина. Он наконец нашел на полке нужный журнал и протянул его покупательнице.

— Погода и правда прохладная, — кивнула она. — Но ей нет дела до наших желаний. Главную погоду для себя создает сам человек.

Она протянула продавцу монетки, и тот ухмыльнулся, обнажая крепкие желтые зубы.

— Все точно, без сдачи, — добавила женщина, убирая журнал в сумочку.

— И все равно, без зонта сейчас ходить весьма легкомысленно, — сказал тот.

— Всего хорошего, — попрощалась она и, развернувшись, быстро пошла прочь.

Продавец вздохнул и, разжав мозолистую ладонь, взглянул на клочок бумаги, который лежал среди поблескивающих монет. Он был сплошь исписан красивым бисерным почерком.

— Смелая девочка, — пробормотал он, пряча обрывок в карман. — Пусть Господь даст тебе сил в твоём деле. Да и мне тоже...

Между тем женщина продолжала идти по улице. Теперь её маршрут лежал в сторону трамвайной остановки, на которой было совершенно пусто. Первая холодная капля упала на руку, и она машинально спрятала её в карман шерстяного пальто.

«Без зонта сейчас ходить весьма легкомысленно», — вспомнила она слова седеющего продавца, и ее тонкие губы тронула легкая улыбка.

Когда подошел трамвай, редкие капли превратились в морось, и женщина с нетерпением вскочила в салон. Не считая молодой пары, которая о чем-то тихо переговаривалась, в трамвае больше никого не было.

К тому времени город уже окончательно поглотили пронизывающие сумерки, окна иссекали стрелы дождя. Лицо незнакомки сделалось задумчивым, серые глаза подернулись пеленой воспоминаний. Погруженная в размышления, она не заметила, как трамвай обогнал черный автомобиль с погашенными фарами. Впрочем, даже при всем желании женщина едва ли смогла бы разглядеть в дождливой мгле то, что происходит снаружи. Обогнав трамвай, машина сбавила скорость, и теперь расстояние между ними не превышало двадцати метров. На одной из остановок она притормозила, выпуская наружу человека, который мгновенно растворился во тьме.

Меньше чем через минуту на этом же месте сделал остановку трамвай, и женщина вышла наружу, зашагав в сторону Виландштрассе.

Неприметный человек тут же материализовался из вечерней мглы, как призрак. Держась позади, он шел по другой стороне улицы, не сводя глаз с женщины.

И шел до тех пор, пока она не скрылась в одном из домов.

Утром следующего дня начальнику следственного отдела гестапо было вручено срочное донесение. В нем указывалось, что в результате негласного наблюдения за Ильзе Штебе, сотрудницей химического концерна, ничего подозрительного не выявлено. В этот же день был подписан ордер на арест Штебе. Следователи гестапо рассчитывали получить нужные сведения в кабинете.

12 сентября 1942 года. Берлин

ПРЕРВАННАЯ ПОМОЛВКА

В одном из домов германской столицы, расположенном в районе Шарлоттенбург, до нынешней поры пребывающем в тихом полусонном состоянии, в этот день царило непривычное оживление. Поводом для этого было торжественное мероприятие — помолвка. Да, страна находилась в состоянии жесточайшей войны, и это самым кардинальным образом сказывалось на рядовых немцах. Да, политика фюрера, постепенно скатывающегося в пучину безумия, вызывала все меньше и меньше восторга даже у его фанатично преданных почитателей, потому что тотальная слежка и постоянное «закручивание гаек» никогда не способствовали успешному развитию и процветанию государства. Но жизнь продолжалась, и несмотря ни на что в этот солнечный сентябрьский день Ильзе Штебе решила объявить помолвку со своим возлюбленным Карлом Хельффрихом. Это радостное событие молодая пара

решила отметить в узком кругу на съемной квартире, в которой проживала Ильзе.

Она стояла у окна, молча глядя на лазурное небо, по которому неспешно плыли белые облака. Карл тихо подошел сзади, нежно приобняв невесту.

— В этом году сентябрь выдался такой прохладный, — проговорила Ильзе, прижимаясь к нему. — Еще пару дней назад я куталась в пальто... А теперь взгляни, какое солнце! Как будто специально, под заказ, на нашу помолвку!

Карл улыбнулся и поцеловал ее в шею.

— Знаешь, — медленно проговорила Ильзе. — Из-за этой работы я совершенно перестала обращать внимание на такие приятные мелочи... А ведь они совсем рядом, только руку протяни! Яркое солнце, чистое небо... Что еще нужно для поднятия настроения? Ведь, в сущности, человеку для счастья нужно не так уж и много.

Она повернулась к жениху, и они посмотрели друг другу в глаза.

— Да, что касается работы, — сказал Карл, и в его голосе проскользнули беспокойные нотки. — Мне кажется, тебе нужно немного сбавить обороты, милая. Я заметил, как ты похудела и даже немного осунулась.

Ильзе заставила себя улыбнуться:

— Ничего. Набрать вес куда проще, чем его скинуть.

— А еще я вижу тревогу в твоих глазах.

Уголки губ женщины опустились, и она мягко отстранилась от жениха.

— И ничего-то от тебя не утаишь, — со вздохом произнесла Ильзе. — Что ж, нужно быть готовой к тому, что любимые люди могут читать друг друга как книгу. Но на твой вопрос у меня нет ответа. Мне просто неспокойно на душе, и я не могу найти этому объяснения.

Помолчав, она добавила:

— Карл, я сегодня видела странный сон. Как будто мы все вместе стоим перед огромным длинным мостом. Позади — чудесный сад, где растут сладкие фрукты и всегда светит солнце. Впереди, за мостом, — непроглядный мрак, где изредка грохочет гром и сверкают молнии. Вокруг мои родные и близкие, все, кого я давно знаю... И я вдруг отчетливо понимаю, что мне нужно встать на этот мост и перейти его!

Карл внимательно слушал невесту, заворуженно глядя в ее блестящие серые глаза.

— Все мои друзья пытаются меня отговорить, — продолжала Ильзе. — Мама даже схватила меня за руку, но я вырвалась. Я понимала, что должна пройти по мосту! Это даже не было выбором, я чувствовала, что это мое предназначение! Все мое естество кричало об этом!

— И что же было дальше? — тихо спросил Карл.

— Я взошла на мост. За спиной я слышала ваши голоса, они были преисполнены тревоги и даже страха. С той стороны, куда я должна была пойти, повеяло гарью и дымом... Но я сделала первый шаг. Потом второй. Вскоре к гари добавился запах оружейного масла и крови... Меня окутал густой туман, и я почти ничего не видела... И...

Она умолкла, беспомощно глядя на Карла.

— Я слышала резкий оклик, вроде военной команды. Грубый мужской голос. Я мгновенно проснулась, но обрывки этого неприятного сна до сих пор у меня перед глазами. И я подумала — а вдруг вся моя жизнь и есть путь по этому мосту? Откуда несет дымом и кровью?!

— Дорогая, — сказал Карл. — Я думаю, этот сон навеян непрекращающимися сводками с фронта. Ты постоянно думаешь об этом, вот и вся причина... На мой взгляд, не нужно искать здесь каких-то глубинных смыслов.

Ильзе уже намеревалась что-то ответить, как в комнату стремительно вошел молодой светловолосый мужчина, держащий в руке охапку белоснежных астр. Увидев влюбленных, он расплылся в улыбке.

— Ильзе, сестренка! Надеюсь, я не опоздал?

Обняв женщину, он вручил ей ароматный букет.

— Это самые прекрасные астры, Курт, — искренне проговорила Ильзе, вдыхая аромат цветов. — Я так рада, что ты пришел!

— Как я мог пропустить такое торжественное событие? — возмутился Курт, пожимая руку Карлу. — Ведь не каждый день моя сестра собирается выходить замуж! Могу я сделать тебе комплимент? Ты просто великолепная в этом платье, в нем ты поразительно похожа на Бригитту Хельм!¹

¹ Немецкая киноактриса, снявшаяся в таких фильмах, как «Метрополис», «Деньги», «Графиня Монте-Кристо» и др.

— Я польщена, что меня сравнивают с кинозвездой, — краем рта улыбнулась Ильзе. — Спасибо, Курт. Как поживаешь? Есть какие-то новости, заслуживающие внимания?

Он пожал плечами и убрал с плеча коричневого пиджака ворсинку.

— Все новости последних месяцев крутятся вокруг обстановки на фронте. И они не так уж оптимистичны для германских властей. Под Сталинградом на Восточном фронте все еще идут ожесточенные бои. Этот русский город дивизиям вермахта явно не по зубам. Конечно, Гитлер брызжет слюной, обещая уничтожить Сталинград и выйти к Волге. Но понимающие люди видят, что все это пустые слова, не более чем ветер. Очевидно, что скоро грядет серьезный перелом в войне. И он будет не в пользу этого кровавого палача...

— Кто-то должен остановить Гитлера, — сказала Ильзе. — И я всем сердцем чувствую, что это будут советские войска.

— В британской газете была свежая статья, что буквально вчера карательными отрядами СС была сожжена деревня Дремлево, — подал голос Карл. — Вместе с детьми, женщинами и стариками. Геббельс в присущей ему манере назвал эту статью провокацией, а совершенные нацистами зверства, по его мнению, было не что иное, как военная операция по зачистке опасных районов...

— О чем ты говоришь, Карл, — махнул рукой Курт. — Геббельс — это еще тот гнусный тип. Даже

если на его глазах гестаповцы будут резать человека, он обязательно найдет повод для оправдания насилия. Ты говоришь о сожженной деревне. А как тебе такая новость? В начале месяца в одной из оккупированных станиц Сталинградской области зондеркомандой были расстреляны почти пятьдесят воспитанников детского дома! Детям было от трех до двенадцати лет! Самых маленьких и наиболее слабых попросту закопали в землю, чтобы не тратить на них пули!¹

— Звери, — прошептала Ильзе, и ее красивые пальцы непроизвольно сжались в кулаки. — Хотя нет, эти нелюди, сотворившие такое, хуже зверей! Звери убивают, лишь когда обороняются либо испытывают голод!

— Ильзе! — вдруг раздался женский голос из гостиной, и она глубоко вздохнула. Переложив букет в другую руку, Ильзе обвела взглядом мужа и брата:

— Мама зовет. Оставляю вас наедине, не против?

Курт усмехнулся:

— Мы как-нибудь попытаемся найти общие темы с твоим мужем. Верно, Карл?

Тот лишь снисходительно кивнул.

Когда Ильзе вошла в комнату, ее мать, Фрида Штебе, заканчивала сервировать стол.

¹ Курт говорит о расстреле 2 сентября 1942 г. воспитанников Нижне-Чирского детского дома для умственно отсталых детей. Всего от рук фашистов погибло 47 детей. По данному факту было проведено следствие, и один из соучастников данного преступления решением военного трибунала 4-го Украинского фронта был приговорен к смертной казни.

— Прости, что не помогла тебе, — сказала Ильзе. — Я сегодня весь день не своя...

— Все в порядке, — тепло отозвалась Фрида. — Мне совершенно несложно. В конце концов, у тебя сегодня праздник, так что позволь часть забот взять на себя. Тем более, как я сказала, это не составило большого труда.

Ильзе оглядела заставленный блюдами стол. Учитывая, что покупка продуктов питания в Германии с начала военных действий осуществлялась исключительно по талонам, а приобрести что-то вкусное и изысканное на черном рынке мог позволить себе далеко не каждый, расставленные на столе угощения могли бы порадовать самого привередливого немца-гурмана.

В центре располагалось громадное блюдо, на котором остывал только что вынутый из духовки гусь, обложенный жареным картофелем. Свежие овощи, тушеная фасоль с мясом, ветчина с сыром, бутерброды с сардинами... рядом с гусем гордо высилась небольшая миска, наполненная маринованными устрицами. Их, не удержавшись, приобрела Ильзе у одного перекупщика, заплатив за них немалые деньги.

— У меня тоже для тебя есть маленький сюрприз, — сказала Фрида, поставив на угол стола небольшую жестяную коробочку. — Открой и посмотри.

Снедаемая любопытством Ильзе сняла крышку с коробочки и взглянула внутрь.

— О боги, — пробормотала она, потянув тонкими ноздрями. — Неужели кофе? Настоящий черный кофе?

— Именно так, — подтвердила Фрида. — Я подумала, что мы очень давно не пили настоящий кофе.

— Но ведь его сейчас почти нигде не найдешь!

— Ищущий да найдет.

Ильзе обняла мать. Отстранилась, ласково поправив воротник на ее платье.

— Как ты себя чувствуешь, дочка? — озабоченно спросила Фрида. — Ты выглядишь немного бледной.

— Почки снова беспокоят, — призналась Ильзе, усаживаясь на стул. — Но это ерунда.

— Нельзя говорить о здоровье как о ерунде, — возразила мать. — Ты совсем не заботишься о себе, дочка. Так нельзя.

— В августе я была в Карлсбаде, где принимала специальные ванны по рекомендации врача. Мне стало легче... Правда, только на некоторое время.

— Я не помешал? — спросил Курт, заходя в гостиную. Его глаза расширились, когда он увидел заставленный яствами стол. — Когда это вы все успели, мои любимые женщины? А запахи просто изумительные, у меня уже рот наполнился слюной!

— Мы ждем моих приятелей, Гретту и ее мужа Йохана, — сказала Ильзе и посмотрела на старинные напольные часы, стоявшие у окна. — Они должны подойти с минуты на минуту.

— Может, пока по бокалу вина? — предложил Курт, потянувшись к бутылке из темного стекла.

Когда в комнату вошел Карл, все бокалы были наполнены.

— Дорогие дети... — заговорила Фрида, и голос женщины дрогнул от волнения. — Я от всего сердца желаю вам счастья. Я желаю, чтобы вы прожили долгую прекрасную жизнь... Без войны, под мирным ясным небом.

Послышался звон бокалов.

— Отличный тост, мама, — улыбнулась Ильза. Она хотела добавить что-то еще, как послышался резкий стук в дверь.

Ильзе обменялась взглядами с Карлом.

— Если это твои друзья, — осторожно начал он, поднимаясь из-за стола, — то мне показалось...

— Гретта и Йохан не стали бы так стучать, — мягко прервала его Ильзе и тоже встала. — Я открою.

Пока она шла в прихожую, стук раздался снова, на этот раз более громкий и настойчивый — казалось, в этот раз в дверь долбили уже ногами.

— Кто это? — спросила она. Одно короткое слово, прозвучавшее в ответ, заставило ее сердце сжаться в комок:

— Гестапо.

В памяти мелькнуло ночное видение, словно пожелтевшая от времени фотография, — старый жуткий мост, окутанный смрадным дымом.

— Откройте! — рявкнули снаружи, и Ильзе повернула ключ в замке.

Дверь распахнулась, и взору женщины предстали трое рослых мужчин в темно-серой униформе гестапо. За их широкими спинами Ильзе разгляде-

ла хозяйку квартиры, ее бледное лицо напоминало бесформенное пятно с дырами вместо глаз. Было видно, что женщина смертельно напугана.

«И наверняка уже проклинает себя за то, что сдала мне свою квартиру», — пронеслось в мозгу Ильзе.

Старший офицер, мужчина лет сорока с грубым обветренным лицом, шагнул вперед, буквально вталкивая невесту внутрь квартиры.

— Ильзе Штебе? — без предисловий спросил он, указав на нее пальцем, как будто кроме Ильзе в прихожей был кто-то еще.

— Да, — ответила она.

— Вы одна в доме? — задал очередной вопрос гестаповец.

— Нет, со мной мой жених и родные.

Грохоча сапогами, полицейские бесцеремонно втокнули ее обратно в комнату, где сидели гости.

— Всем приготовить документы для проверки, — приказал офицер, встав напротив праздничного стола. Презрительно взглянул на тарелку с устрицами и обронил: — Роскошно живете, фрау Штебе. В то время как наша страна испытывает трудности с продовольственными товарами, экономика на всем, вы закатываете пир!

— И я имею полное право на это, — с достоинством ответила Ильзе. — Тем более для этого есть повод — сегодня у меня помолвка с моим будущим мужем.

— Вы собираетесь замуж? — переспросил гестаповец и ухмыльнулся. — Как мы вовремя подоспели!

Пока шла проверка документов, Ильзе подошла к матери и положила ей на плечо руку:

— Пожалуйста, не волнуйся, мама. Я уверена, что это какая-то ошибка.

Спустя несколько минут полицейские вернули гостям документы.

— Все в порядке, — доложил офицеру один из подчиненных. По его недовольному лицу было ясно, что он рассчитывал на другой результат, послуживший бы поводом для задержания всех присутствующих в доме.

— Можете быть свободны, — распорядился старший группы. Видя, что никто сидящий за столом даже не шелохнулся, он гаркнул: — Вон!

— Курт, пожалуйста, проводи маму домой, — попросила Ильзе, и тот кивнул.

— Вы тоже оставайтесь, — неожиданно сказал гестаповец, вперив свой колючий взгляд в Карла.

— Хорошо, — послушно произнес Карл. — Только не совсем понятна причина столь неожиданно-го... визита.

— Начинайте обыск, — велел офицер и в упор посмотрел на Карла. — Слышали поговорку: «Жена да муж — змея да уж»?

Карл вежливо покачал головой.

— Мне вас жаль, — холодно сказал гестаповец. — Неужели вы еще не поняли, что собирались взять в жены дьяволицу?

— Прекратите эти оскорбления, — возмутилась Ильзе. — Объясните, что вы ищете? На каком ос-

новании ворвались в дом? Прогнали моих гостей? Я начальник бюро одного из крупнейших химических концернов! Если у вас есть какие-то обвинения против меня, то предъявите их!

— Они обязательно будут, — процедил офицер и словно невзначай задел рукой бутылку вина, которая тут же полетела вниз. От удара об пол она разлетелась вдребезги, быстро образовав багровое озеро.

Обыск длился не более получаса, но Ильзе почудилось, что пронеслись столетия. Все это время, пока нацисты копались в ее вещах, вываливая содержимое шкафов и комода прямо на пол, она неотрывно смотрела на Карла. По виску ее жениха струилась тоненькая дорожка пота.

«Все должно быть хорошо, — мысленно твердила Ильзе. — В квартире нет ничего такого, что могло бы вызвать подозрение или скомпрометировать меня...»

Обыск действительно ничего не дал, и полицейские не скрывали своего разочарования. Разгоряченные и обозленные, они намеренно портили вещи — распарывали ножом подушки, с «мясом» вырывали дверцы шкафчиков, швыряли посуду на пол, топчась по ней сапогами...

— Вы удовлетворены? — спросила Ильзе, с трудом скрывая свое негодование. Страх куда-то испарился, теперь в ней все кипело от гнева к этим троим громилам в серой форме. — Или будете ломать полы?

— Я обойдусь без ваших советов, — высокомерно отозвался офицер. — То, что вы не храните запрещенные предметы, ровным счетом ни на что не